

ного иконографического образца, который воздействовал на изображение этого святого в мелкой пластике в течение достаточно длительного времени. Сходство композиций там и здесь целиком зависит от необходимости разместить эти композиции в круглом поле монеты или печати. К тому же, резко сближая буллу с «Ярославом сребром», исследователь уводит предполагаемую дату печати к рубежу X—XI вв., который всеми исследователями древнерусского чекана, в том числе и Н. П. Лихачевым, признается временем выпуска указанных монет, чеканенных еще в новгородский период княжения Ярослава Мудрого³⁸. Безоговорочно приняв дату Н. П. Лихачева для печати Георгия, мы обнаружим полувековой, ничем не заполненный разрыв между рассматриваемой буллой и всеми остальными уже известными нам печатями того же сфрагистического типа, поскольку древнейшие из них относятся уже ко второй половине XI в.

Однако, сопоставляя печать «архонта Георгия» со всеми буллами этого сфрагистического типа, мы сможем подтвердить принципиальную справедливость предложенного Н. П. Лихачевым решения, который был безусловно прав, отдав предпочтение более ранней дате, нежели время Юрия Долгорукого. Наблюдения над княжескими печатями, несущими строчные греческие надписи, показывают, что в рамках неизменной общности типа на протяжении второй половины XI в. имеет место известная эволюция, которая проявляется, во-первых, в постепенном облегчении кружка (печати Всеволода и Вячеслава массивнее печатей Владимира Мономаха, Андрея-Мстислава и Давида Игоревича; ранние печати Всеволода массивнее его поздних печатей), а во-вторых, самоуничтожительная благожелательная формула, в которой князь предстает не в блеске своих титулов, а в образе смиренного «раба божия», присуща скорее времени сыновей Ярослава (Всеволод, Вячеслав), но не времени его внуков, называвших себя «архонтами» и «паневгенстатами». Массивная печать Георгия содер-

жит в себе элементы и самоуничтожения, и титулования, оказываясь затейливым гибридом, и находит себе место никак не в конце хронологического ряда однотипных печатей, а по крайней мере в его середине. Меньше всего она соответствует периоду политической деятельности Юрия Долгорукого, когда к тому же, как увидим далее, в русской сфрагистике бытуют совершенно иные типы.

По существу атрибуции в настоящее время невозможно принять окончательного решения. Поскольку титулование владельца буллы архонтом не имеет того ограничительного характера, какой был предположен Н. П. Лихачевым, Ярослав Мудрый должен быть признан вероятным, но не единственным претендентом на обладание этой печатью, которая, если она действительно принадлежала Ярославу Владимировичу, может относиться к последним годам его княжения. Однако ее возможным владельцем может, на наш взгляд, оказаться и любой русский князь, пользовавшийся самостоятельностью в третьей четверти XI в. и неизвестный нам по крестильному имени. Вряд ли такого претендента следует искать среди сыновей Ярослава: на Руси крайне редко давали княжичам отцовские имена. Напротив, парекать княжичей «дедним именем» было особенно почетно. Среди неизвестных по христианским именам внуков Ярослава можно назвать таких заметных деятелей третьей четверти XI в., как Ростислав Владимирович (умер в 1066 г.) и Мстислав Изяславич (умер в 1069 г.). Кому-то из них печать «архонта Георгия» могла принадлежать с не меньшим основанием, чем самому Ярославу Владимировичу.

Печати Феофаном Музалон. Из всех опубликованных к настоящему времени древнерусских булл наибольшей известностью пользуется печать Феофаном Музалон, первый экземпляр которой был издан еще в 1883 г. и с тех пор породил значительную литературу в России и за рубежом³⁹. Этот исключительный интерес вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, на протяжении длительного (вплоть до 1947 г.) периода это была единственная булла, несущая в своей легенде титул «архонта (архонтиссы) России», что, естественно, вело к постановке важного вопроса о значении и принадлежности такого титула. Во-вторых, вопрос об ее атрибуции, блестяще решенный еще в XIX в., связал печать Феофана с кругом весьма любопытных сюжетов русской истории.

³⁸ А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924, стр. 6; Н. П. Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. «Известия ГАИМК», т. V. Л., 1927, стр. 316; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. «Труды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930, стр. 198; А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. «Труды ГИМ», вып. 6. М., 1936; В. Л. Янин. Дежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 166; И. Г. Спасский. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Изд. 3. Л., 1962, стр. 46.

³⁹ В. Л. Янин. Печати Феофаном Музалон. «Нумизматика и сфрагистика», вып. 2. Киев, 1965, стр. 76—90.